

Л. ФИНК

МЫСЛЬ, ПОИСК, ВОПЛОЩЕНИЕ

ЗАБАВНЫЙ случай произошел в душный июльский вечер несколько лет назад, когда в Москве гастролировал Куйбышевский драматический театр. Миновал добрый час после окончания спектакля «Ричард III», а у здания МХАТа все еще взволнованно и шумно спорили зрители. Разговаривая, они не забывали поглядывать в сторону служебного выхода. Но вот дверь скрипнула и выпустила молодого, хорошо сложенного шатена с открытым и добрым лицом. К нему сразу подошли:

— Вы из Куйбышева?

Молодой человек устало кивнул головой.

— Не знаете, Николай Засухин скоро выйдет?

Актер улынулся и тихо, с просительной интонацией сказал:

— Ну зачем вы его ждете? Он же всегда очень долго копается.

Конец своей фразы Николай Засухин произнес в полном одиночестве и, растерянно взглянув на невежливых почитателей, поспешил к улице Горького.

Такие эпизоды в жизни артиста отнюдь не редкость. Его трудно узнать не только потому, что он отлично гримируется. Наверно, не менее важно и то, что нет в нем никакой внешней эффектности, никакой театральности напоя. Всегда скромный, спокойный, сдержанный. Любит слушать гораздо больше, чем говорить. Только пробыв с ним долгое время, вы заметите, как внимателен его взгляд и то, с какой сосредоточенностью он вдруг начинает думать о чем-то своем, и поймете тогда, что за внешней сдержанностью и покоем обычно прячется непрерывная внутренняя работа.

Умение работать отличает Засухина даже среди таких одержимых тружеников, как его товарищи по профессии. Необычайному трудолюбию он всем и обязан: внезапным и яростным раскрытием дарования, известностью, высоким званием народного артиста Российской Федерации.

Вырос Засухин в заводском промышленном городе Чапаевске, где театра не было. Что-то сыграл в кружке школьной самодеятельности, и тогда потянуло на сцену. Но после школы не пришлось самостоятельно выбирать дорогу — ее продиктовала война. Демобилизованный солдат Засухин тоже долго не выбирал. Только он вернулся домой, как стало известно: в Куйбышеве открывают драматическую студию. Так он впервые вошел в театр, который стал его родным домом. И вот — двадцать лет в одном театре, точнее, вся жизнь в одном театре. Периферийная сцена почти не знает такого постоянства.

За эти годы учиться и только учиться Н. Засухину так и не довелось: студия оказалась недолговечной, пришлось остаться рабочим сцены, а затем перейти во вспомогательный состав. И будущий артист научился превращать в урок каждую репетицию и каждый спектакль. Привыкал сам искать, обдумывать, пробовать, упорно и охотно читал. Он все время помнил, что нужно наверстывать упущенное. Вот в эту пору и развилось засухинское трудолюбие, его стремление подолгу, цепко, упрямо работать над каждым моментом роли, над каждым штрихом характера. То самое трудолюбие, которое позволило ему в самом начале актерского пути успешно решить грандиозную трудную задачу — создать образ молодого Владимира Ульянова в спектакле «Семья». То самое трудолюбие, которое позволяет теперь, при назначении Засухина на совершенно неожиданную роль, говорить о нем с доброй улыбкой: «Этот сумеет».

Вспоминается, как за кулисами театра не раз возникали примерно такие диалоги:

— Кто у нас будет Боксером в «Дамоклов меч»? В Московском театре сатиры его великолепно играет Папанов.

— Ничего. Засухин сыграет...

— Решают ставить «Волю и овцы». А где же в труппе Аполлон Мурзавецкий?

— Как где? А Засухин...

— А какой из него поп Павлия в «Егоре Булычове»? Николай и в церкви-то, наверно, ни разу не был.

— А вы не беспокоитесь. Нужно будет, не поленился, сходит. И поп у него получится архиподлинный...

С самых первых сценических шагов Н. Засухин учился ценить внутреннюю правду характера, естественность, органичность. Актер был молод — его герои тоже, и этой близостью рождались искрен-

ная жизнерадостность, убедительность искренности, бесспорная жизненность исполнения. Но в то же время одноплановость ролей таила опасность самоповтора, и это тревожило друзей артиста — нельзя же в разных вариациях играть все себя да себя. И вот однажды Николаю Засухину пришлось полностью уйти от себя, уйти во всем: и во внешнем облике, и в характере, и в речевой манере, и в жести.

В «Интервенции» Л. Славина он играл французского солдата Али, негра из Сенегала. Ни французы, ни русские не понимают родного языка Али, и это придает роли особый аромат и особую трудность роли без слов. Жест, выражение глаз, пластика быстрого гибкого тела, нервное, подвижное лицо да еще интонация взволнованных гортанных восклицаний — вот все, что было в распоряжении актера, и этой суммой выразительных средств он сумел превосходно воспользоваться. Засухин раскрывал нам пытлившую мысль Али, его горячее желание понять происходящие вокруг события, его, может быть, интуитивную, но страстную жажду справедливости.

Прошло некоторое время, и в спектакле «Горячее сердце» актер снова ушел от наезженной колеи и снова обрадовал удивительно жизненным, до малейших деталей продуманным исполнением роли дворника Силана. Роль была новой и неожиданной — не по возрасту. В этом спектакле Засухин чуть ли не впервые приклеил себе бороду. Но как по-стариковски согнулась его спина, как неторопливо и степенно передвигал он ноги, как лукаво и проникательно посверкивали узкие глаза из-под густо нависших побелевших жидких бровей.

Становилось очевидным на первый взгляд парадоксальное явление: чем роль дальше от непосредственного жизненного опыта актера, тем нужнее она ему, чем труднее работа, тем ярче и выразительнее результат. А объяснение этого парадокса легко найти. Особенность Н. Засухина — в силе его творческой фантазии. Когда роль не требует интенсивной работы воображения, она слабее возбуждает актера, и результат оказывается беднее, незначительнее. Но когда нужно искать и фантазировать, когда нужно найти острый и необычный рисунок во всем — от внешних примет до характеристики мировоззрения, — тогда трудолюбие подстегивается воображением, и в результате рождаются Петр Артамонов, Ричард, Отелло...

Петр Артамонов — важнейший поворотный момент в жизни актера. Этой роли были отданы все силы, все возможности и прежде всего напряженный без меры и счета каждодневный труд. В результате пришел и первый серьезный успех, успех по-своему знаменательный, ибо он как бы наметил магистраль дальнейшего движения артиста. Драматургический материал, предложенный актеру, был необычен — предстояло рассказать на сцене историю жизни Петра Артамонова за полвека. Трудным было уже чисто внешне преобразование героя, а Засухин успешно и талантливо решил значительно более сложную и важную задачу — полного внутреннего перерождения, крушения всего человеческого под безжалостной властью «дела».

Добившись перевоплощения в рамках одной роли, актер впервые показал возможности своего дарования, широту своего диапазона, богатство своей палитры. Вот тогда и возникли, как вехи на его пути, Боксер в драме Н. Хикмета «Дамоклов меч» и Аполлон Мурзавецкий в комедии А. Островского «Волю и овцы».

Смуглое чуть ли не квадратное лицо с низко срезанным лбом и массивными выдающимися подбородком... За неподвижностью ленивых век изредка проливаются злые, острые зрачки. Неторопливая тяжелая поступь, брошенные вперед плечи и от этого словно удлиннившиеся жадные руки. Так уже во внешнем рисунке тонко и последовательно создается образ тупой и грубой силы, образ наемников современной буржуазии, ее авантюрной ударной силы и последней непрочной опоры. Боксер у Хикмета жесток, как зверь, ибо лишен главного человеческого достоинства — мысли. И это бессмыслие, это страшное слияние аморализма и дегенератства было сыграно актером с удивительной, до конца продуманной конкретностью.

А вскоре возник другой образ человеческого падения, ни в чем не повторяющийся ни внешне, ни внутренне, ни в наполненности характера. Аполлон Мурзавецкий, ничтожный прихлебатель своей властью и богатой тетушки, в исполнении Засухина стал своеобразным символом тупости, свидетельством его безжалостной разлагающей силы. Аполлон ходил по сцене, как нелепая механическая кукла, все части которой движутся случайно и произвольно. Видимо, его руки и ноги давно стали автономны,

ибо мозг, ежедневно отравляемый водкой, уже не в состоянии ничем управлять. Аполлон разговаривает нелепо, бессмысленно, то разрывая речь паузами, то внезапно убыстряя ее, то неоправданно делая визгливые ударения. Его лицо принимает разумное выражение только тогда, когда он что-нибудь иллит: деньги, вино, закусу.

Так, сохраняя резкие индивидуальные отличия и в то же время делая важные социальные обобщения, Засухин в образах Петра Артамонова, Боксера, Мурзавецкого показывал затухание мысли и человеческого распад как закономерное следствие жизни под властью денег. Вскоре выяснилось, что все эти роли — лишь ступеньки к шекспировскому Ричарду, в котором Засухин наиболее полно и взволнованно рассказал о том, как эгоизм растаптывает человечность.

Шекспир не считал нужным прятать от зрителей отвратительное обличье своего заглавного героя. Ричард раскрывает свои злодейские планы уже в первом монологе. И Засухин появляется мрачным, злым и кровожадным хищником, которого непрерывно жжет огонь неутоленного честолюбия.

О внешнем рисунке образа много спорили. Одни считали, что актер чрезмерно подчеркивает физическое безобразие Ричарда. Другие восхищались пластической точностью и общей скульптурной выразительностью этого отталкивающего уродства. На мой взгляд, только такая точка зрения и верна. Ведь внешняя характеристика Ричарда — лишь выражение основной мысли спектакля о его вырождении и бесчеловечности, о его внутреннем безобразии.

Актер Засухин показывает лицедея Ричарда со всей талантливостью его коварства, со всей безднностью его бесчестия. Ричард обманывает и притворяется, он нагл, а кажется робким, он холоден, как лед, а кажется влюбленным и пламенным. И как он торжествует, как радуется своей власти над людьми, когда его изворотливость и беспардонность помогают обмануть и победить. Сколько восхищения собой и ненасытной жадности в торжествующих интонациях, в цепких холодных глазах, во всей словно выпрямляющейся фигуре. Огромная изобретательность, великолепная техника и, конечно, талант нужны актеру, чтобы найти столько оттенков черного цвета (который, кстати, меньше других способен на полутона и нюансы).

Н. Засухин сурово подводит итоги истории своего героя: ради власти над людьми Ричард пролил реки крови, осквернил все человеческие святыни, остался в веках символом чудовищного зла и при этом ни разу в жизни не испытал самой простой, самой маленькой, самой обыденной человеческой радости.

Уже в момент рождения спектакля один из критиков написал, что Ричарду — Засухину суждено войти в историю советского театра. Так и произошло. Спектакль видели на сцене и телеэкранах миллионы зрителей, а он продолжает жить, неизменно вызывая самую широкую и активную заинтересованность.

А сам Засухин, предельно обнажив в Ричарде губительную силу зла, всей душой потянулся к ролям добрым и светлым. С огромным интересом, взволнованно и напряженно он стал трудиться над ролями Павла Власова, а затем Отелло.

После Ричарда — Отелло. После полного растворения в самом чудовищном зле — человек, нашедший смысл своей жизни в смертном поединке со злом. Немногие актеры решаются на такую смелость. Николай Засухин решился — и победил. Правда, болью и трудом досталась ему эта победа. На премьере многие зрители не поняли и поэтому не приняли Отелло — Засухина. Его понимание ревнивого мавра вступало в решительное противоречие с традиционными представлениями. Это был Отелло, который спокойно ходит, солнечно улыбается и подолгу мучительно думает, Отелло ясный в счастье и сдержанный в гневе; Отелло, который убивает Дедемону не в пароксизме ревности, а в борьбе за справедливость, — не мститель, а судья.

К такому Отелло многим зрителям надо привыкнуть. Тем более, если он играет актер, которого еще вчера видели в бешенстве властолюбия, в иступлении и ярости. От него и ждали полноводия чувств, экстаза, фейерверка, хмеля, безумия. А он был гармонично светел, несмотря на черную кожу, невозмутим, когда его осквернял разгневанный отец любимой, внимателен и задумчив. Он был счастлив — правдой любви и любовью к правде. Он, наемный солдат по профессии, нес людям не меч, а мир. Но когда он сталкивался со злом, он вспоминал про шаг и тогда уже не жалел никого: ни своих воинов, ни себя. Не пожалел он и Дедемону, которую любил больше своих друзей и сподвижников, больше, чем себя, больше, чем

Николай ЗАСУХИН
в ролях:

- Павел Власов («Мать»).
- Ричард («Ричард III»).
- Федор Протасов («Живой труп»).
- Борис Годунов («Смерть Иоанна Грозного»).